

ЭВИДЕНЦИАЛЬНОЕ СМЫСЛОВОЕ ПЕРЕЖИВАНИЕ КАК ПРИЧИННОЕ КОДИРОВАНИЕ ЗНАНИЙ ОБ ОБЪЕКТЕ

О.В. Голубева

Тверской государственной университет, Тверь

Статья посвящена исследованию феномена выводного знания как имплицитного «облачного» сервиса, представленного во внутреннем гипертексте в виде специфического причинного кода – эвиденциального смыслового переживания, – глубинной смысловой предыстории значения, формируемой на базе потенциального контекстуального «видения» обобщённого образа объекта.

Ключевые слова: выводное знание, эвиденциальное смысловое переживание, потенциальный выводной контекст.

Важнейшей междисциплинарной проблемой современной науки является исследование процесса понимания, а также его итогов, нашедших вербализацию или оставшихся «знанием для себя». Одним из направлений является инференционный подход, дающий возможность изучить естественно формируемые умозаключения с позиций логики, психологии, лингвистики, психолингвистики. Объектом нашего исследования выступает инференция, или выводное знание (далее – ВЗ) как знание-отношение, как процесс естественного объяснения «для себя» поступающих по разным каналам сведений, что определяет актуальность таких изысканий, специфику их целей и задач.

Многогранность феномена ВЗ требует разработки интегративных подходов, учёта принципов обработки, хранения и активации знаний в памяти (см. труды Дж. Андерсона об ассоциативно-семантической структуре памяти, теорию двойного кодирования работы А. Паивию, голографическую теорию кодирования А.А. Залевской и т.д.): принципа ассоциирования, лежащего в основе установления всякого рода связи и реализуемого в ходе деятельности активного субъекта [8: 99], принципа причинности как залога всеобщности связи, опирающегося на результативность мышления и универсальную формулу вывода «причина – следствие», вариантами которой являются дедуктивный, индуктивный, абдуктивный типы вывода; принципа одновременного переживания знания / понимания и отношения к нему при параллельности опоры на перцептивный, когнитивный, аффективный (вербальный и невербальный) опыт при осознаваемом / неосознаваемом учёте всех форм хранения знаний и стратегий их задействования (см.: [4: 51–53]); принципа прецедентности, обеспечивающего активацию выделенных благодаря критериям доступности, частотности, известности примеров прежнего опыта оперирования знаниями о языке и мире. В нашей работе ВЗ определяется как имплицитный объяснительный потенциал, являющийся субстратом интеграции социального и индивидуального знания, обеспеченный релевантным набором разнообразных продуктов переработки и процедурами, задающими формирование интегративной опоры понимания.

Способность человека кодировать поступающую информацию, т.е. символически преобразовывать её для обеспечения более компактного способа хранения в памяти в виде «следов», или специальных мозговых кодов, связана с наличием универсального предметного кода как механизма преобразования любой, в том числе вербальной, информации, позволяющего «перевести» речь в модель отрезка о сообщаемой действительности при определении денотата (обобщённого образа объекта), учёт которого соответствует акту понимания [3: 14]. Отсюда коды выступают как совокупность внутренних знаков, реализующихся через нейродинамические модели и психические образы, причинно связанные с денотатом [2: 57].

Причинная обусловленность таких кодов / «следов», т.е. поиск оптимальных путей принятия решения в целях объяснения «для себя», приводит к формированию внутренних образцов / опор вывода как узлов мультимодальной многоуровневой сети-гипертекста (об интерфейсной теории значения слова см.: [6]), которые закрепляются в виде индексов, отражающих аналоговую связь по любому основанию между ментальными моделями (Р. Зваан), активаторов аналоговых трансферов между репрезентациями проблемы-источника и проблемы-цели (Ш. Виттен и др.), интерактивных ассоциативных ключей (Ч. Кэрролл), семантических прайминг-эффектов (С. Талйа), нейропсихических образов причины (П. Тагард), «следов» / доминантных признаков как содержательных компрессий репрезентации (Б. Тверски, Н.В. Мохамед), концептов-симуляторов, или мультимодальных (нейронных) репрезентаций / перцептивных символов (Л. Барсалоу); мультимодальной репрезентации, или системы символических кодов любых знаний об объекте в разных областях мозга и интегрируемыми в памяти (С. Косслин).

С точки зрения психологии опора на ВЗ позволила выявить наличие в памяти символической репрезентации как части инференционного алгоритма [10: 220–248], а также разработать трёхуровневую модель нейронного кодирования с набором специфических для нейронной системы невербализованных процедур и правил реализации причинно-следственной связи (if-then relations) [12: 448–451], ментальные модели интеграции перцептивной и когнитивной информации (Ф. Джонсон-Лэрд, Р. Зваан). С позиций лингвистики описаны процедуры логического вывода с опорой на знание языка и общие знания о социуме (пресуппозиция), процедуры выведения ситуативно релевантных пропозиций (импликатура), трёхуровневой ситуационной модели понимания текста (Т. ван Дейк). В логике и компьютерном моделировании искусственного интеллекта признано существование в системе динамически функционирующей сети каузальных / выводных схем, но которые предстают форматами естественной реализации логических отношений и выступают аксиомами «здравого смысла», необходимыми для причинной связи свидетельств субъективного опыта (evidences), или посылок (причины), в качестве которых выступают знания о событии, объекте, действии и т.д. [13: 50–51]. В психолингвистике опора на ВЗ привела к разработке спиралевидной модели понимания слова / текста, витки

которой открывают доступ к расширяющимся кругам ВЗ, без чего «понимание происходит не может или оказывается ущербным» [5: 331].

Причинно закодированное ВЗ признаётся частью семантической структуры значения (Е.В. Падучева), общей презумпции участников коммуникации, или значением «по умолчанию» (С. Левинсон), когнитивным контекстом в виде ассоциативно-семантической сети как комбинаций признаков и отношений между ними (теория лексических концептов и когнитивных моделей В. Эванс), ядерным компонентом значения (модель динамического значения И. Кескеса), проявлением прототипических эффектов (теория прототипов Э. Рош, Дж. Лаккофф). Подобный код соотносится с внешним причинным компонентом (вербальным, ситуативным) по принципу конъюнкции «и – и»; его способность к интеграции обеспечивается мотивацией и моделью действий инферирующего субъекта, признающего данный фрагмент прежнего «видения» знаний о мире и языке релевантным благодаря схожести *ad hoc* ряда перцептивно-когнитивно-аффективных признаков.

Такая схожесть во многом обусловлена общностью тематической группировки (категоризации), которая обнаруживает асимметрию базового уровня благодаря центральному члену, признаки которого выступают наиболее релевантными. Проецирование таких признаков на других членов категории выявляет их близость к прототипу. В нейропсихологических изысканиях строение категории связывается с концептуализацией знаний об объекте по схеме «снизу–вверх» через закодированные «следы» переработки перцептивного опыта (симуляции), на основе их множества формируется перцептивный символ (симулятор), *on-line* абстракция, вывод о признаках которого является категориальной инференцией о характеристиках всех членов категории [9: 582, 587].

Следовательно, слово, имплицитующее причинные коды (ВЗ), пользуясь терминами из сферы ИТ технологий, обеспечивает доступ к функционально релевантному «облачному» сервису, который формируется благодаря «истории» оперирования знаниями о мире и языке, представленными в мультимодальном гипертексте. Наполнение такого имплицитного «облака» обнаруживает как обобщённые представления об объекте, которые принято связывать с предметно-чувственными корнями или социокультурными конвенциями «по умолчанию», закреплёнными в значении слова, так и частное «видение» как свидетельство субъективного переживания значения. Формирование этого «облака» обусловлено процедурами приписывания объекту / референту релевантных, с точки зрения индивида, признаков различной природы, или заменой признаков (*attribute substitution*), что формируют в ходе единичных / многочисленных выводов символическое образ-представление о носителе (см.: [6; 11: 269–270]. В целом механизм получения ВЗ обусловлен синтезирующей функцией слова, задающей энциклопедичность семантики (о концепции энциклопедической природы семантики языка П. Виоли см.: [6: 82–86]), механизмом глубинной предикации как осознаваемой / неосознаваемой опорой объяснения значения «для себя», механизмом смысловых замен, механизмом контроля [5: 293–295], меха-

низмом консолидации «следа», или переводом «здесь и сейчас» воспринятой информации в формат долговременного хранения [1: 404–405].

Многообразие и степень конвенциональности опыта оперирования знаниями о мире и языке активно переживающим и инферирующим «свидетелем»-индивидом ведёт к неоднозначности распределения по тематическим группам, однако не означает невозможность унификации. Отправной точкой в решении этой проблемы, по нашему мнению, является определение динамических основ, или универсалий, членения мультимодального образа мира (гипертекста). В качестве такого феномена могла бы выступать система смысловых отношений (топов), которая представляет собой «продукт максимальной компрессии смысла» [6: 142], возникающий в доязыковом опыте индивида, неосознаваемо координирующий ориентацию в смысловом пространстве благодаря высокой степени обобщения и задающий целостное образное представление об объекте как широком классе ему подобных с учётом множества признаков и ситуаций осмысления (см. труды А.А. Залевской, В.А. Садиковой). Система топов как фундаментальная динамически сложившаяся смысловая база обеспечивает обобщённые смысловые скрепы, которые предлагается называть коллективным знанием-переживанием (термин А.А. Залевской).

Накапливающийся опыт собственных выводов, специфичный благодаря разнообразным линиям переработки знаний, выступает мультимодальным набором ассоциативно связанных «свидетельств», которые инферирующий субъект хранит в памяти-гипертексте и использует в качестве опорного образца / «следа» познания, позволяющего оптимизировать рассуждения благодаря фокусировке на уже известном, действенность которого доказана ранее. Фактически ассоциат является «следом» причинного кодирования, который выводит на образ объекта в системе категории, но под специфическим перцептивно-когнитивно-аффективным углом зрения. Подведение под суперординату порождает цепочки опосредованных импликаций, которые «лежат в основе упорядоченности знаний об объективном мире в информационной базе человека»: поверхностный ярус содержит начальные и конечные элементы этих цепей, восстановление промежуточных звеньев требует обращения к глубинному ярусу и ведёт к актуализации широкого круга ВЗ [5: 76–78].

Отсюда нами выдвинута гипотеза о том, что опора на ВЗ представляет собой эвиденциальное смысловое переживание значения единицы языка, процедуру вывода-объяснения, которая активизирует внутренний причинный потенциал, или сформировавшийся прецедентный ракурс «видения» объекта и наиболее релевантный пример его задействования, задавая пути согласования с внешней, вербально заданной причиной (словом / текстом). Эвиденциальное смысловое переживание (далее – ЭСП) определяется как сложная интегративная опора, формируемая на базе определённого смыслового отношения посредством прецедентной релевантной рамки / ракурса образного представления фрагмента действительности (объекта, ситуации и т.д.) и выделенного в опыте индивида образца выводного контекста (далее – ВК), обусловленного совокупностью ряда релевантных «здесь и сейчас» (ad hoc) проекций реали-

зации данного ракурса. ВК (и потенциальный как устойчивый образец, и реальный, формируемый ad hoc) – это процедура увязки внешнего (вербального) и внутреннего причинных компонентов посредством выводных связей, или путей / схем приписывания объекту признаков, определяемых как правдоподобно необходимые, исходя из прежнего опыта. Наличие прецедентных примеров «видения» объекта даёт возможность предположить, что структура ЭСП как «облачного сервиса» имеет точки с разной силой притяжения элементов вокруг них. Степень такого притяжения, очевидно, определяется количеством прецедентов обращения, обобщённых в виде потенциальных ВК, которые имеются у инферирующего субъекта и активируются в зависимости от частотности, доступности, известности, релевантности.

Гипотезу о существовании глубинных прецедентных ракурсов «видения» образа объекта, состоящих из релевантного набора признаков перцептивно-когнитивно-аффективной специфики, мы проверили в ходе ряда свободных ассоциативных экспериментов. В качестве стимулов были отобраны примеры терминологической лексики экономической направленности: ПАЙ, ВЗАИМНЫЙ ФОНД, КРИЗИС, КРЕДИТ, ЦЕННАЯ БУМАГА, ИНВЕСТИЦИЯ, ПРИБЫЛЬ (здесь и далее слова-стимулы обозначаются заглавными буквами, а полученные в эксперименте реакции – строчными буквами с выделением курсивом). В экспериментах участвовало 1183 испытуемых (далее – Ии.), обработана 1241 реакция, из которых 60 отказов, что вызвано, с нашей точки зрения, отсутствием необходимых экспертных знаний, например, число отказов давать реакции на слова ПРИБЫЛЬ, КРЕДИТ не зафиксировано, на стимулы КРИЗИС, ЦЕННАЯ БУМАГА составило всего по 2, тогда как на слова ПАЙ, ВЗАИМНЫЙ ФОНД, ИНВЕСТИЦИЯ – 23, 22 и 10 соответственно. Анализ результатов позволил сделать следующие выводы.

1. В процессе инференционного понимания значения терминов, или задействие ЭСП как внутренней объяснительной посылки, Ии. демонстрируют наличие перцептивно-когнитивно-аффективной специфики прецедентной рамки, что определяет особенности выводных связей, обеспечивающих поиск конкретного релевантного референта, обобщающего понятия, эмоционально-оценочного «видения».

2. Наблюдается тенденция включения воспринимаемой информации во внутренний контекст при очевидности эмоционально-оценочного переживания значения терминов экономического характера:

а) положительного для стимулов ИНВЕСТИЦИЯ – *благо* (10 реакций), *доход* (4), *развитие* (4), *рост* (2), *прогресс* (2), *семья / дети* (2); ЦЕННАЯ БУМАГА – *прибыль* (6), *доход* (4), *накопление* (2), *дорогая* (2), *нужная* (2) и т.д.; ВЗАИМНЫЙ ФОНД – *помощь* (20), *благотворительность* (5), *доверие* (4), *взаимопонимание* (2), *выгода / для всех сторон* (2), *прибыль* (2), *сотрудничество* (2), *содружество* (2), *вместе* (2), *добро / любовь* (2), *что-то хорошее / хорошо* (2); ПРИБЫЛЬ – *деньги* (61), *доход* (21), *зарплата* (7), *достаток* (7), *работа* (5), *радость* (3), *хорошая* (3) и т.д. Другими словами, Ии. опираются на обобщённое представление об инвестиции как успешном вложении; в случаях с ценной бу-

магой и взаимном фонде в качестве опорных задействуются положительные коннотации входящих в состав словосочетаний прилагательных *ценный*, т.е. «имеющий высокую цену, с большими достоинствами, важный, нужный», и взаимный, т.е. «обоюдный, касающийся обеих сторон» [7: 74, 860];

б) отрицательного для стимулов КРИЗИС, КРЕДИТ – *проблемы с деньгами* (12), *бедность / беднота* (7), *безденежье* (7), *плохо / всё плохо* (7), *нищета* (4), *убыток* (4), *долги* (3), *депрессия* (2) и т.д.; *финансовые проблемы* (11), *рабство* (5), *кабала* (4), *долговая яма* (4), *обман* (3) и т.д. Если в случае со словом КРИЗИС наличие прецедентной рамки с отрицательной оценкой ещё можно объяснить отрицательными коннотативными компонентами словарного значения, то стимул КРЕДИТ как экономический термин, наоборот, соотносим с положительной динамикой развития экономики и обязательным условием успешности;

3) при затруднениях, вызванных отсутствием экспертных знаний, выявлены тенденции к конкретизации, т.е. различиям уровней обобщения, передаваемого термином содержания посредством поиска объяснительной опоры (конкретного референта / тематической области), лежащей в основе субъективного «свидетельства» задействования опыта переживания. Так, значение стимула ПАЙ «видится» в рамках четырёх тематических групп: «еда» (4 реакции), «земля» (21), «экономика» (2), «человек» (1) с опорой на динамические смысловые доминанты «Объект», «Часть–целое», что позволяет задать образное представление о возможном референте как одушевлённом / неодушевлённом объекте, части целого / совокупности частей. Тематическая отнесённость такого обобщённого образа сформировались под влиянием разнообразного опыта ЭСП субъекта, который на основе релевантных признаков, обладая потенциальным ВК объяснения «для себя», детализирует и выделяет важные аспекты контекста / «следы» в рамках прецедентного ракурса «видения».

Так, перцептивно-предметный ракурс позволяет картировать связи внутри тематической группы «еда»: 1) конкретный объект, приготовленный – *яблочный пирог* (7), *кекс*, *торт* – место изготовления – *Америка / американский*, *Англия*; место информирования – *английская школа*; или «сырой» – *яблоко*, *картофель* (2), *лимон* – место выращивания – *огород*, *сад* (2), *дача*; 2) вид обеспечения пищей – *сухпай* (4), *сухпай*, *пайка*; «земля»: часть – *земельный участок* (4), *участок земли* (3), *часть земли* (2), *доля земли* (12); действия с ней – *сдача в аренду колхозу*; «экономика»: доля владения / инвестирования – *деньги* (3), *акции* (2), *вексель*, *доля в фонде*; действия с ней – *инвестиция*, *заём*, *взнос* (2); характеристика – *акционерный*, *инвестиционный*. Когнитивный ракурс лежит в основе тематической группировки сфер потенциального задействования глубинного образа объекта и предопределяет деятельностные ориентиры категоризации в динамике. При таком «видении» выделяются тематическая доминанта и ряд обобщений сферы её функционирования, например, для тематической группы «еда»: обеспеченность едой – *довольствие* (2), *обеспечение*; «земля» и «экономика» – часть целого – *доля* (11), *часть* (3), *кусочек* (2); принадлежность – *собственность*; вид экономической деятельности – *финансирование*. Эмоционально-оценочный ракурс связан с «объяснением», имплицитным

опорой на фразеологизм *пай-мальчик / девочка*, или разговорное сокращение *пайнька*, «ласково-поощрительное название послушного ребёнка» [7: 479]: *мальчик* (6), *девочка* (5). Выявленные обобщения представлены в контексте эмоционально-оценочных характеристик *милый человек, послушный ребёнок, хорошее поведение, дружба, лёгкость, обман* и т.д.

4. При отсутствии экспертных знаний опорой обращения к ВЗ становится фонетическая оболочка слова, что соотносится с гипотезой Л. Барсалоу об акустических симуляциях, вызываемых фонемами и продуцирующими соответствующие инференции [9: 624– 625]: *ПАЙ – чай* (4), *папа* (2), *пайка, папай, вай, лай, бай* и т.д.

Отсюда обобщённый образ потенциального референта, имплицитный термин *ПАЙ*, можно определить как «часть целого», что опирается на соответствующее общее смысловое отношение, а также обнаруживает определённое прецедентное представление / рамку: перцептивное (конкретизация объекта), когнитивное (обобщение), эмоционально-оценочное. В целом психолингвистическое картирование выводных связей стимула *ПАЙ* позволяет отразить многоступенчатость опоры на ВЗ при переживании значения данного слова, где затруднительно чётко провести границу между уровнями категоризации, заданными в идеальных условиях ряда научных объяснений. Естественная тематическая группировка в динамике отражает ракурс «видения» / представления образа объекта с выделением его наиболее релевантного признака, фиксируемого в памяти в виде «следа», значимость которого подтверждается предыдущим потенциальным контекстом переживания как смыслового содержания, так и фонетической формы слова.

Подобное глубинное внутреннее «видение» позволяет предположить наличие не только стратегий осмысления, или «Я–позиции» субъекта, но и определённого ракурса (прецедентной рамки, или устойчивого способа субъективного «видения»), формируемого благодаря приоритету канала переработки информации (перцептивного, когнитивного, аффективного). Для проверки этой гипотезы в ходе проведения свободных ассоциативных экспериментов с названными выше терминами Ии. в количестве 51 человека (5 групп численностью 9-11 человек) было предложено персонифицировать бланки ответов с помощью ника или значка. Результаты в 83% обнаружили устойчивость эмоционально-оценочного ракурса «видения» (*всё плохо / голодные; безденежье / обман; бесплатно, временный / добрый, милый; убыль / новшество; радость, победа / доход; доверие / поддержка*); 62% обобщённо-когнитивного (*финансы / ограничения; банк / долг; земля; будущее / вклад; материальное состояние / доходность; финансовая организация / партнёрство*); 76% перцептивно-предметного (*цены в магазине / доллары; покупка / пылесос; участок земли / пирог; вклад / деньги; деньги / зарплата; помощник / акции*) на стимулы КРИЗИС, КРЕДИТ, ПАЙ, ИНВЕСТИЦИЯ, ПРИБЫЛЬ, ВЗАИМНЫЙ ФОНД соответственно. В остальных случаях наблюдались комбинации реакций, вербализуемых словами либо конкретной, либо абстрактной семантики и имеющими эмоционально-оценочные коннотации. Данный эксперимент подтвердил, что не только от-

дельное слово имплицитно определяет ракурс «видения», но и тематическая группировка лексики (терминологии экономического характера) задаёт устойчивую прецедентную ориентацию того, как может переживаться значение.

Таким образом, алгоритм опоры на ВЗ включает внутренне сформированную посылку (причинный компонент), или ЭСП, своеобразный смысловой «облачный» сервис, формируемый активным субъектом в естественных условиях речемыслительной деятельности и имплицитно воспринимаемым словом. Причинная кодировка итогов опыта индивида позволяет выделить в рамках потенциального ВК любой релевантный признак, отражающий перцептивно-когнитивно-аффективный ракурс прецедентного «видения» глубинного образного представления об объекте, опирающегося на обобщённое смысловое отношение.

Список литературы

1. Величковский Б.М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. М.: Смысл: «Академия», 2006. Т.1. 448 с.
2. Губанов Н.И. Чувственное отражение: (анализ проблем в свете современной науки). М.: Мысль, 1986. 239 с.
3. Жинкин Н.И. Язык.- Речь.- Творчество: избранные труды. М.: Изд-во «Лабиринт», 1998. 368 с.
4. Залевская А.А. Введение в психолингвистику: учебник для студентов. М.: Изд-во РГГУ, 1999. 382 с.
5. Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: избранные труды. М.: Гнозис, 2005. 542 с.
6. Залевская А.А. Интерфейсная теория значения слова: психолингвистический подход. IASHE: Лондон, 2014. 179 с.
7. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1963. 900 с.
8. Пиаже Ж. Психогенез знаний и его эпистемологическое значение // Семиотика: Антология. 2-е изд. испр. и доп. М.: Академический проспект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 98–110.
9. Barsalou L.W. Grounded cognition // Annual Review of Psychology. Atlanta: Emory University, 2008. Pp. 617–645.
10. Hummel J.E., Holyoak K.J. A symbolic-connectionist theory of relational inference and generalization // Psychological Review. 2003. Vol. 110. № 2. Pp. 220–264.
11. Kahneman D., Frederick Sh. A model of heuristic judgment // The Cambridge handbook of thinking and reasoning; K.J. Holyoak, R.G. Morrison (eds.). NY: Cambridge University Press, 2005. Pp. 267–293.
12. Thagard P. How brains make mental models // Model-based reasoning in Science & Technology: studies in Computational Intelligence; L. Magnani et al. (eds.), 2010. Vol. 314. Pp. 447–461.
13. Wang Y. On cognitive Models of causal inferences and causation networks // International Journal of Software Science and Computational Intelligence. 2011. Vol. 3(1). Pp. 50–60.

EVIDENTIAL EXPERIENCE AS CAUSAL CODING OF OBJECT KNOWLEDGE

O.V. Golubeva

Tver State University, Tver

The paper discusses the inference phenomenon as an implicit “cloud” service, or the functionally relevant chunk of the multimodal hypertext, encoded as an individual evidential experience. The latter is defined as an underlying meaning pre-history formed on the basis of potential contextual “vision” of an object generic image.

Keywords: *inference, evidential experience, potential inferential context.*

Об авторе:

ГОЛУБЕВА Ольга Васильевна – кандидат филологических наук, докторант кафедры теории языка и перевода Тверского государственного университета, e-mail: 2008golubeva@rambler.ru.